

Глава седьмая Охотник на троне

Неуемная страсть Петра II к охоте и разгулам во многом объяснялась влиянием, которое оказывал на него князь Иван Алексеевич Долгорукий.

Иван Долгорукий принадлежал к тому кругу посредственных личностей, которые остались бы незамеченными историками, если бы волею случая не оказались бы в фаворе у царственных особ. Он не блистал ни талантами, ни образованностью, ни высокой нравственностью, ни чувством ответственности за свои поступки.

Родился Иван Долгорукий в 1708 году, то есть был старше Петра II на семь лет. Воспитывался он не в семье отца, Алексея Григорьевича Долгорукого, но дедом, известным дипломатом петровского времени, послом России в Варшаве Григорием Федоровичем Долгоруким, а затем сменившим его на этом посту князем Сергеем Григорьевичем Долгоруким. В Варшаве князь Иван жил до 1723 года. К пятнадцати годам он успел приглядеться к той легкомысленной жизни, которой жил двор польского двора Августа II, к широко распространенным там любовным интригам вельмож и придворных дам, к беззаботному времяпрепровождению, состоявшему из сплошных светских удовольствий. Эта жизнь пришлась ему по душе. Хотя его воспитателем был известный камералист и прожектер Генрих Фик, услугами которого широко пользовался Петр Великий при проведении административных реформ, он не сумел привить своему воспитаннику добродетелей. Иван с легкостью воспринял распущенность польского двора, принимал участие в разгульных похождениях, но оказался глух к восприятию рационалистических идей наставника.

Прибыв в Петербург, князь Иван при восшествии на престол Екатерины был определен гоф-юнкером при великом князе Петре Алексеевиче. У легкомысленного князя хватило ума усвоить элементарную мысль, что занимаемая им должность при будущем наследнике престола открывает перспективы для блестящей карьеры. Но для этого надобно было, чтобы наследник обратил на него внимание. Князь М. М. Щербатов, автор знаменитого памфлета «О повреждении нравов в России», запечатлел поступок Ивана, определивший его дальнейшую судьбу: «В единый день, нашед его (великого князя. — *Н. П.*) единого, Иван Долгорукий пал пред ним на колени, изъявнив всю привязанность, какую весь род его к деду его, Петру Великому, имеет и к его крови, изъявнив ему, что он по крови, по рождению и по полу почитает его наследником Российского престола, прося, да утвердится в его усердии и преданности к нему».¹

И сами эти слова, и театральная манера их произнесения произвели на отрока неизгладимое впечатление и врезались ему в память на всю его короткую жизнь. Великому князю, рано оставшемуся сиротой, вообще редко доводилось слышать ласковые слова и чувствовать чью-то заботу о себе. Он поверил в искренность чувств князя Ивана и привязался к старшему по возрасту и имевшему какой-то жизненный опыт и светское обхождение гоф-юнкеру. Великому князю импонировали и бесшабашность Ивана, и его веселый и беззаботный нрав, и изобретательность в развлечениях. Очень скоро между ними установились приятельские отношения.

Меншиков, зорко следивший за событиями при дворе великого князя, обнаружил тлетворное влияние Ивана Долгорукого и уговорил Екатерину принять радикальные меры к отлучению гоф-юнкера от двора. Ивана отправили продолжать службу в отдаленный армейский полк.

---

¹ Щербатов М. М. Соч. Т. 2. СПб., 1898. С. 171.

После кончины Екатерины I и воцарения Петра II князь Иван Алексеевич снова появляется при дворе. После же падения Меншикова он становится неофициальным наставником императора, насаждая при дворе нравы, которые ему довелось наблюдать в Варшаве. Иван Долгорукий был возведен в высший придворный чин обер-камергера, пожалован орденом Андрея Первозванного и чином капитана, а затем майора Преображенского полка.

Император находился в том самом возрасте, когда его голова должна была насыщаться знаниями, когда он должен был постепенно приобщаться к делам управления государством, проникаться заботами о жизни подданных. Но все эти понятия были чужды князю Ивану. Все современники, знавшие его, оставили о нем неблагоприятные отзывы и подчеркивали его дурное влияние на императора.

По словам Маньяна, «умственные способности этого временщика, говорят, посредственные и недостаточно живые, так что он мало способен сам по себе внушать царю великие мысли». Маньян объяснял это тем, что князь «не имеет ни достаточной опытности в делах, ни дарований».² Ограниченные способности фаворита отметил и саксонский дипломат Лефорт. «Фаворит не стоит на своих ногах, — доносил он в декабре 1729 года, — умом и суждениями его руководит Остерман».³

По словам Лефорта, царю внушалась мысль, «что знатные вельможи не нуждаются ни в образовании, ни в надзоре, ни в людях, которые бы могли его останавливать, но видно, что он предается страстям». Не подлежит сомнению, что подобные мысли мог внушить царю только Иван Долгорукий. Лефорт с полным на то основанием называл князя Ивана «молодым дуралеем». Но этот «дуралей» с многочисленными пороками стал кумиром для императора; последний привязался к нему настолько, что, по словам К. Рондо, царь с ним «проводит дни и ночи. Он (Долгорукий. — Н. П.) единственный неизменный участник всех очень частых разгульных походов императора».⁴

Прусский посол Мардефельд 8 апреля 1728 года доносил: Иван Долгорукий как бы «обворожил молодого императора. И так как он способствовал всем его страстям и неразлучен с ним, то лишь один Господь Бог может уразуметь молодого государя».⁵ Испанский посол де Лириа, кстати, единственный из дипломатов, друживший с Иваном и ценивший его за получение от него интересовавшей его информации о планах правительства, тоже подтвердил оценку своих коллег: «Расположение царя к князю Ивану таково, что царь не может жить без него; когда на днях его ушибла лошадь, и он должен был слечь в постель, его царское величество спал в его комнате». Но даже де Лириа должен был признать: «Поведение князя Долгорукого, фаворита царя (меня уверяют), с некоторого времени так дурно, что я опасаюсь, что он мало-помалу потеряет благоволение его величества, которому он уже не служит с таким усердием, как прежде».⁶

Главная забота князя Ивана, как он ее понимал, состояла в доставлении императору удовольствий всякого рода. На дела внутренней и внешней политики

---

² Сб. РИО. Т. 75. С. 246.

³ Сб. РИО. Т. 5. С. 334.

⁴ Сб. РИО. Т. 66. С. 4.

⁵ Сб. РИО. Т. 15. С. 398.

⁶ Осмнадцатый век. С. 100.

фаворит не оказывал существенного влияния. Правда, зачастую он не скупился на щедрые обещания дипломатам. Но иногда он давал обещания, отнюдь не намереваясь их выполнять; иногда же их исполнению ставил преграду вице-канцлер Остерман.

Так, например, Иван Долгорукий много раз с готовностью откликнулся на просьбу испанского посла де Лириа, которого поддерживали и другие дипломаты, относительно ускорения переезда двора из Москвы в Петербург. Фаворит обещал убедить царя в необходимости переезда, но не имел намерения выполнять обещание, поскольку переезд грозил утратой его собственного влияния на императора: ведь оно основывалось главным образом на поддерживаемой им страсти царя к охоте, а Подмоскovie с ее богатыми охотничьими угодьями предоставляло для этого неизмеримо больше условий, чем окрестности Петербурга.

Именно Долгорукий пристрастил юного царя к ночным похождениям, разгулу и разврату. Лефорт в ноябре 1727 года доносил: «С некоторого времени он (Петр. — *Н. П.*) взял привычку ночь превращать в день: он целую ночь рыскает со своим камергером Долгоруким и ложится только в семь часов утра». Это же донесение Лефорт дополнил любопытной информацией: воспитатель царя Остерман проводил с царем душевительные разговоры и довел его до слез раскаяния. Однако выслушав внушение, царь «в этот вечер снова отправляется в санях таскаться по грязи... в продолжении двух дней он продолжал беспутствовать; говорят, он начинает пить».

Под влиянием фаворита царь уже с двенадцатилетнего возраста приобщился к любовным утехам с женщинами. В депеше от 27 ноября 1727 года Лефорт доносил: «Мне известна одна комната, смежная с бильярдом, где помощник главного воспитателя доставляет ему разные приятные свидания». В этой же депеше Лефорт писал: «Долгорукий не только поддерживает дурные наклонности царя, но и сам служит покорным оружием при исполнении поступков, недостойных монарха». В январе 1728 года де Лириа доносил, что хотя императору не исполнилось 13 лет, но он «уже дает знать, что может быть другом женского пола, и даже в высочайшей степени он уже имел свои любовные похождения».⁷

Развратное поведение самого фаворита создавало ему репутацию насильника и соблазнителя слабого пола. Князь Щербатов запечатлел рассказы современников об Иване Долгоруком в своем знаменитом памфлете: «Князь Иван Алексеевич Долгоруков был молод, любил распутную жизнь и всеми страстями, к которым подвержены молодые люди, не имеющие причины обуздывать их, был обладателем. Пьянство, роскошь, любоддеяние и насилие прежде бывшего поляка заступили». Щербатов привел один из эпизодов безнравственного поведения Ивана: он взял «на блудоддеяния» супругу князя Н. Ю. Трубецкого, жил с нею «без всякой закрытости», истязал супруга и даже однажды намеревался выбросить его в окно, и исполнил бы свое желание, если бы за рогоносца не заступился Сергей Лопухин, родственник первой супруги Петра Великого. «Но любострастие его... — продолжал Щербатов, — многими не удовольствовало, согласие женщины на любоддеяние уже часть его удовольствия отнимало, и он иногда приезжающих женщин... затаскивал к себе и насиловал».⁸

Этот эпизод не был выдуман Щербатовым. Из депеши Маньяна, отправленной 1 сентября 1729 года, явствует, что любовная интрига фаворита с княгиней Трубецкой, дочерью канцлера Головкина, женщиной очень красивой, но распутной,

---

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Щербатов М. М. Указ. соч. С. 178, 179.

действительно имела место. Канцлер и князь А. М. Черкасский пытались воспрепятствовать интриге, но временщик стал интриговать против них и хлопотать о ссылке одного в Сибирь, а другого в Персию. Они обратились с жалобой к отцу фаворита, но князь Алексей Григорьевич «дал понять, что они могут подвергнуться царскому гневу».

Это не единственное любовное похождение Ивана Долгорукого, получившее огласку. Еще раньше, в январе 1729 года, Иван домогался близости от молодой супруги Нарышкина, отличавшейся красотой, но, по словам того же Маньяна, получил отпор.⁹

Уроки дебошира, развратника и забулдыги пали на благодатную почву. Царь их быстро усвоил и следовал примеру наставника. Двор в это время находился в Москве, население которой еще не было знакомо с нормами поведения, распространенными на Западе. В старой столице придерживались старомосковских порядков. Здесь осуждение вызывала не только разгульная и развратная жизнь молодого монарха, но и вообще все его поступки, противоречившие традиционным представлениям о чинном и благостном поведении царя. Де Лириа доносил в Мадрид в феврале 1729 года: «...в Москве все ропщут на образ жизни царя, вина в этом окружающих его. Любящие отечество приходят в отчаяние, что государь каждое утро, едва одевшись, садится в сани и отправляется в подмосковную с князем Алексеем Долгоруким, отцом фаворита, и с дежурным камергером и остается там целый день, забавляется как ребенок и не занимается ничем, что нужно знать великому государю».¹⁰

Чем старше становился император, тем он больше привязывался к князю Ивану и тем сильнее поддавался его дурному влиянию. И тем безобразнее становилось поведение фаворита. Об этом в феврале 1729 года доносил Лефорт: «Достоин удивления, что молодость царя проходит в пустяках; каждый день он участвует в Измайлове в детских играх: уже он не заботится быть человеком положительным, как будто ему и не нужно царствовать». В августе он же нелестно отозвался о фаворите: «Поведение фаворита каждый день делается беспорядочнее». К. Рондо в декабре того же года сообщал своему правительству: «Молодой князь пользуется большей милостью царя, чем когда-либо».¹¹

Под влиянием отца и сына Долгоруких царь пристрастился к еще одной забаве — охоте. Ей он стал отдаваться даже с большей страстью, чем прежним своим развлечениям. Коротко, но выразительно написал об этой страсти царя — совсем не схожей с интересами его деда, — испанский посол де Лириа в январе 1728 года: «Царь не терпит ни моря, ни кораблей и страстно любит псовую охоту».

Первые сведения об интересе Петра к охоте относятся к лету 1727 года, когда советник курфюрста Саксонского и польского короля Лефорт доносил: «Кажется, что страсть царя к охоте увеличивается все более. Выдумывают разные средства, чтобы отвлечь его от этого, но страсть зашла так далеко, что он не в состоянии заниматься чем-либо другим». В депеше от 12 ноября Лефорт описал один из эпизодов этой страсти: «Сегодня по полудни царю захотелось верхом поохотиться за волком, посаженным в саду. Волк не умел отличать любимой собаки царя, схватил ее за уши и так потряс, что царь хотел спрыгнуть с лошади и спасти свою собаку, но его удержали и тот час дали об этом знать Остерману, который и прибежал».

---

⁹ Сб. РИО. Т. 75. С. 286.

¹⁰ Оснадцатый век. С. 146.

¹¹ Сб. РИО. Т. 5. С. 322, 328; Т. 66. С. 97.

Этот эпизод, надо полагать, попал на страницы донесения Лефорта случайно. Во всяком случае, интерес саксонского дипломата к царской охоте не идет ни в какое сравнение с обстоятельностью, с которой регистрировал выезды царя на охоту испанский посол де Лириа. Отчасти это объясняется тем, что ему удалось установить доверительные отношения с фаворитом императора Иваном Долгоруким, от которого он и получал самые достоверные сведения о жизни двора. Кроме того, де Лириа вообще пользовался благосклонностью Петра II, которую заслужил тем, что во время коронационных торжеств устроил самую богатую иллюминацию дома, где проживал. Испанский посол не поскупился и на расходы на роскошный ужин, который также вызвал признательность царя. (Всего на иллюминацию и ужин посол издержал колоссальную по тем временам сумму — 6979 рублей 28 копеек.¹²) Де Лириа знал, какими услугами и подарками можно завоевать расположение юного императора. Он подарил царю двух борзых собак, которых нарочно выписал из Англии. «Его величество был так доволен, как будто я подарил ему величайшую драгоценность», — писал посол в своих записках. На новый, 1728 год он поднес императору еще один подарок — хорошее ружье, которое, как отмечал герцог, царю «очень понравилось», настолько, что «когда я приехал во дворец с поздравлением, то он приказал мне остаться обедать с ним: милость, которую он не оказывал ни одному иностранному послу». Особую радость императору доставил и подарок испанского короля, приславшего 20 лошадей.

Расположение двора к де Лириа вызывало зависть у французского дипломата Маньяна, доносившего в марте 1728 года: «Герцогу Лириа были здесь оказаны заметные отличия, он единственный из иностранных министров был приглашен на танцы двумя принцессами: сестрой и теткой». И далее: «Герцог Лириа тем более чувствителен к этой милости и к удовольствию, которое выражал царь, ужиная у него».¹³

При составлении перечня охотничьих вылазок Петра II за основу взяты сведения, заимствованные из депеш испанского посла. Они дополнены донесениями других дипломатов. Современному читателю может показаться излишним столь пристальное внимание к охотничьим забавам царя. Но эта сторона его деятельности представляет определенный интерес. В частности, знакомство с перечнем выездов царя на охоту позволяет читателю самому подумать над тем, оставалось ли у монарха время для того, чтобы овладевать знаниями и приобщаться к управлению государством. Ведь император еще 21 июня 1727 года, прибыв в Верховный тайный совет, обещал «исполнить должность доброго императора», то есть заботиться о благосостоянии подданных, упорядочении управления страной, развитии экономики, культуры, распространении просвещения, сохранении престижа России в международных делах, достигнутого в годы царствования его деда. Обо всем этом юный монарх тут же забыл и не вспоминал до самого конца дней своих. Более того, предавшись охоте, Петр перестал даже учиться.

Итак, де Лириа прибыл в Москву в конце 1727 года. Сведения о царской охоте он начал сообщать с весны 1728 года.

12 апреля 1728 года: «Погода теперь стоит теплая, нет ни снега, ни морозов. Этот государь каждый день ездит на охоту в окрестности города».

15 апреля (Маньян): «Царь заболел, думали, оспой, но это была простуда — следствие охоты в дурную погоду».

19 апреля: «Царь совершенно поправился от незначительной болезни, которую

---

¹² Оснадацатый век. С. 84.

¹³ Сб. РИО. Т. 75. С. 170.

он имел прошлую неделю, и продолжает каждый день ездить на охоту».

26 апреля: «Царь все лето проведет в развлечении охотой, для каковой цели приготовлены различные дачи, в которых он будет жить попеременно».

10 мая: «Принцесса Елизавета сопровождает царя в его охоте».

21 июня: «Этот монарх еще не возвратился в город, но надеюсь, что возвратится на этих днях».

5 августа: «Чтобы ослабить в царе необузданную страсть, которую он имеет к охоте, и в то же время дать ему некоторое понятие о том, что такое войско, думают устроить маневры в окрестностях города, впрочем, этого еще не решили».

23 августа: «Завтра царь приедет с охоты в эту столицу».

11 сентября (К. Рондо): «Царь скоро уедет на охоту к Смоленску и пробудет там месяца два».

1 ноября: «Этот государь еще не возвратился с охоты и, говорят, не возвратится, пока погода не помешает этому развлечению».

15 ноября: «...сам монарх ни о чем больше не думает, как только об охоте».

29 ноября: «Этот монарх нимало не бережет своего здоровья: в своем нежном возрасте он постоянно подвергает себя суровостям холода, не воображая даже, что он может же наконец от этого заболеть».

Зима 1728/29 года была необыкновенно холодной. В депеше от 17 января де Лириа извещал: «Только и видишь по улицам, что обмороженные носы и щеки». Вероятно, по этой причине Петр не выезжал на охоту. Во всяком случае сведений об этом нет в депешах за декабрь 1728-го и январь 1729 года.

7 февраля 1729 года: «Идут приготовления к скорому отъезду царя, который, уверяют, пробудет вне столицы месяца три».

14 февраля: «...царь отправился за 50 миль для охоты на три или четыре месяца».

4 марта (Лефорт): «Царь отправился на охоту в одно из имений А. Г. Долгорукого, расположенного в 70 верстах».

28 марта: «Царь здоров, но ведет беспокойную жизнь на охоте, на которую выезжает каждый день, не обращая внимания на погоду, которая еще довольно сурова».

18 апреля: «Вчера царь слег в постель по причине лихорадки, а ныне он чувствует себя лучше, и думают, что на следующей неделе обычным образом он выедет на охоту».

28 апреля (из депеши английского консула Уорда): «Завтра царь отправится на охоту в Ростов, Ярославль, Вологду».

9 мая: «6-го числа текущего месяца его царское величество отправился на охоту в окрестности и не возвратится в город в продолжении трех недель».

10 мая (Маньян): «Предполагают, что царь уедет на медвежью охоту верст за 60–80 от столицы».

30 мая: «Шесть дней тому назад царь уехал на охоту».

6 июня: «Ждали, что царь вернется в столицу к Троице, но он не приехал, несмотря на ужасные дожди и холод».

20 июня: «Царя ждут завтра, но я не мог узнать, почему он возвращается так скоро, как никто не ожидал».

27 июня: «Царь возвратился в город 23-го числа не по иной причине, как потому что довольно поднявшиеся хлеба не дозволяют больше охотиться».

18 июля: «Царь вчера уехал на охоту за две мили от города и, говорят, скоро воротится».

1 августа: «Здесь государь все развлекается охотой».

8 августа: «Царь все еще наслаждается охотой и, говорят, что в конце месяца он поедет для этого за четыреста верст от этого города». (Правда, посол не может

считать эти сведения достоверными.)

8 сентября (К. Рондо): Царь «7 сентября выехал в Хотино, в 80-ти милях от Москвы по украинской дороге». Намерен охотиться до 12 октября.

17 сентября (Рондо): «Его величество до того увлекается охотой, что находится теперь в 135 милях от Москвы и не приехал вчера сюда ко дню своего рождения».

17 октября (Лефорт): «Царь находится в 180 верстах от Москвы на охоте на куропаток».

7 ноября: «Ждут возвращения царя на следующей неделе, к чему его побудит начавшееся дурное время: вот уже четвертый день идет снег, хотя и не много».

21 ноября: «Вчера царь воротился с охоты».

29 декабря (Рондо): «Его императорское величество, пользуясь прекрасным здоровьем, ежедневно развлекается охотой».

2 января 1730 года: «Царское величество утром этого дня уехал на медведей и возвратится в город только на следующий день».

16 января: «Здешний государь здоров и три дня тому назад отправился за 15 миль от города на охоту, с которой возвратился нынешнюю ночь».¹⁴

Это был последний в жизни царя выезд на охоту, во время которого он заболел оспой. От нее Петр и скончался.

Из сведений, извлеченных из донесений иностранных дипломатов, невозможно вычислить, какое количество дней император провел на охоте. Во-первых, нет гарантий, что дипломаты полностью запечатлели в своих депешах охотничьи выезды Петра. Во-вторых, в их депешах нет точных данных, когда царь выехал на охоту и когда с нее возвратился. Однако в распоряжении историков имеются данные за 1728–1729 годы, заимствованные П.В. Долгоруковым из бумаг своего деда. По его сведениям, с февраля 1728-го по ноябрь 1729 года, то есть за 21 месяц, Петр II провел на охоте минимум 243 дня — то есть восемь месяцев. «Минимум», потому что в список не были включены однодневные выезды и выезды кратковременные, продолжавшиеся два-три дня. Если же учесть и их, то можно с уверенностью заявить, что не менее половины своего царствования император провел на охоте. К этому следует добавить дни подготовки к выезду на охоту, заботу о псарне и птицах. Имеются сведения и о добытых трофеях: по словам саксонского дипломата Лефорта, было затравлено четыре тысячи зайцев, 50 лисиц, пять рысей, три медведя и множество дичи.

Не всегда охота проходила гладко. Не обходилось без неприятных последствий: иногда после охоты царь простужался, иногда охота была сопряжена со смертельной опасностью, в частности во время охоты на медведей. Однажды поднятый из берлоги разъяренный зверь едва не задрал царственного охотника. 22 ноября 1729 года Лефорт доносил: «Во время охоты царь два раза подвергался опасности, угрожавшей жизни; однажды огромный медведь так близко подошел к нему, что не случись бы тут охотника, выстрелившего по нему, он бы бросился на царя».¹⁵

О страсти царя к охоте свидетельствуют не только иностранные наблюдатели, но и сам император. В 1729 году он подписал «Роспись охоты царской». В отличие от своего прадеда царя Алексея Михайловича, понимавшего толк в охоте и лично составившего наставление об обретенных ловчих птиц и уходе за ними, Петр не был автором «Росписи». Этот труд, составленный конечно же не им самим, а канцелярскими служителями, представляет сметы расходов на содержание людей,

---

¹⁴ Оснадцатый век; и др.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 5. С. 333.

собак и птиц, причастных к охоте. Если прадед Петра II руководствовался поговоркой: «Время делу, потехе час», и охота в бюджете его времени занимала малую толику, то у правнука охота превратилась едва ли не в единственное занятие, поглощавшее львиную долю времени.

Забаву императора обслуживал значительный штат людей во главе с егермейстером в ранге полковничьего чина Михайлом Селивановым, получавшим годовое жалованье в размере 395 рублей 55 копеек. В его подчинении находились, если так можно выразиться, две команды, одна из которых занималась охотой на зверей, другая — на птиц. В составе первой команды числились самые высокооплачиваемые специалисты: пять русских егерей, одному из которых платили 100 рублей в год, а остальным четверем — по 90 рублей. Годовое жалованье двум курляндским егерям составляло по 120 рублей каждому. Двум валторнистам платили по 90 рублей каждому, а доезжачему — 80 рублей.

Расходы на содержание остального штата состояли из денежного и натурального жалованья. Ответственному за содержание псарни Андрею Рыкулову платили 12 рублей, 10 четвертей муки, четверть крупы, шесть пудов мяса и пуд соли. Жалованье 31 охотника равнялось 10–12 рублям, натуральная его часть была такой же, как у заведовавшего псарней, за исключением мяса. Всем им положено было выдавать по два мундира на год: один парадный из зеленого сукна, другой для полевой охоты. Семи наварщикам платили по 6 рублей, натуральная часть жалованья была такой же, как и у охотников, но в их экипировку входил только мундир из сермяжного сукна.

Среди персонала, входившего в команду, занимавшуюся птичьей охотой, самым высокооплачиваемым был орловщик. Ему было определено жалованье в 15 рублей, 15 четвертей муки, четверть крупы, шесть пудов мяса и пуд соли. Остальные 45 человек, занятых птичьей охотой, были разделены на три отряда по 15 человек в каждом — кречетников, сокольников и ястребников. Размер денежного и хлебного жалованья и экипировка были такими же, как у охотников.

Автор специального исследования о царской охоте Н. И. Кутепов считал, что чины птичьей охоты Семеновского потешного двора «не входили в состав той царской охоты, среди которой юный царь проводил почти все дни своего пребывания в Москве, охоты, проживавшей в селе Измайловское. Семеновские охотники, кажется, никогда не потешали этого императора, а занимались лишь выноскою доставляемых на потешный двор ловчих птиц да сопровождением последних в чужие края в подарки иностранным владельцам». ¹⁶

Итого при охоте находилось 113 человек, им платили жалованья деньгами 2545 рублей 55 копеек, а также муки 998 четвертей, крупы 99 четвертей, мяса 590 пудов, соли 107 пудов. ¹⁷

Птиц, собак, лошадей, а также верблюдов надо было кормить. Роспись не сообщает сведений о расходах на приобретение продуктов и фуража (их скорее всего поставляло дворцовое хозяйство), но ограничивается сообщением количества мяса, муки, соли и прочего. Так, птицам надлежало выдавать по пуду говяжьего мяса в день, а собакам — по два пуда. Кроме того, борзым и гончим собакам положено выдавать две тысячи четвертей овсяной муки, 72 четверти шкварок (остатки из вытопленного сала) и 40 пудов соли. Конюшня охотничьего хозяйства насчитывала 224 лошади, за семь месяцев на их корм предполагалось издержать 1588 четвертей овса и 35 280 пудов сена.

---

¹⁶ Кутепов Н. И. Царская и императорская охота. Т. 3. СПб., 1902. С. 10.

¹⁷ РА. 1869. № 10. С. 1678–1680.

Выезд на охоту, или, как тогда говорили, в «поход», представлял зрелище, привлекавшее внимание москвичей. В нем участвовало девять верблюдов, каждый из которых был навьючен двумя четвериками зерна на месяц; соли каждому верблюду полагалось по полпуда на год, сена — по 2 пуда 20 фунтов.

В походе участвовало восемь крытых фурманов, нагруженных 12 солдатскими палатками для охотников, кречетников, сокольников и ястребников, а также два намета, предназначавшихся для собак и птиц. В зимние месяцы охотничий кортеж состоял из 52 саней, трех ненагруженных телег и др.¹⁸

Но горе было населению округа, если там в летние месяцы появлялся император в сопровождении охотничьей свиты, лошадей и своры собак. В сентябре 1729 года царь, например, выехал на охоту с 620 собаками. Можно представить себе, насколько безжалостно вытаптывались посевы!

Саксонский посланник Лефорт отметил и охлаждение императора к охоте в ноябре 1729 года. Чем это было вызвано, неизвестно: быть может, на пятнадцатом году жизни Петр вспомнил о том, что кроме охоты императору пристойно заниматься и более важными делами; быть может, он попросту пресытился охотой и кочевой жизнью настолько, что она ему опостылела.

В депеше, отправленной 21 ноября, Лефорт сообщил о любопытном эпизоде, произошедшем в Туле: «Дней шесть тому назад, когда царь сидел за столом, а льстецы хвалили его охотнические подвиги, между прочим истребление 4000 зайцев, он громко отвечал: “Это похвально, но я захватил еще лучшую добычу, ибо привожу четырех двуногих собак”. С этими словами он вышел из-за стола». Присутствовавшие были поражены этой загадочной фразой, но разгадать ее не смогли. Кого император подразумевал под «двуногими собаками», так и осталось тайной.

В той же депеше Лефорт сообщал даже об «отвращении», которое Петр II начал испытывать к охоте. «Это отвращение, — писал саксонский посланник, — дошло до такой степени, что третьего дня при въезде сюда он раздал всем желающим большую часть своих собак, посылая охоту ко всем чертям и употребляя бранные слова, относящиеся к подстрекателям».¹⁹

Факт раздачи собак подтверждает и вполне объективный источник — ведомость, кому и сколько их было роздано. Согласно этой росписи, больше всех получил отец фаворита Алексей Григорьевич Долгорукий: 50 гончих русских, восемь французских. За ним следовали Василий Волынский, которому было подарено 16 гончих, и князь М. М. Голицын — он получил 12 гончих. Остальные одиннадцать получателей довольствовались от одной до шести-семи собак. Всего было роздано 124 собаки; осталось же: борзых три, гончих 12, французских гончих 42, так называемых «кровавых» четыре и такс девять. Всего получается 70 собак.²⁰

(Правда, численность розданных и оставленных собак вызывает сомнение. Дело в том, что 16 октября 1729 года тот же Лефорт сообщал, что свора императора во время охоты в районе Тулы состояла из 200 гончих собак и 420 борзых, большинство из которых было роздано желающим. Установить, какие сведения нужно считать более достоверными, не удалось.)

Но и после раздачи собак увлечение охотой у императора не прошло. В декабре император развлекался охотой ежедневно, а в январе 1730 года выезжал на охоту

---

¹⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35041. Л. 1—10.

¹⁹ Сб. РИО. Т. 5. С. 331, 332.

²⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35041. Л. 14.

дважды: один раз уехал на сутки охотиться на медведей в окрестностях Москвы, а в другой раз — на три дня за 15 миль от старой столицы. Выходит, страсть к охоте Петр Алексеевич так и не преодолел. Что ж, недаром говорят: охота пуще неволи.

* * *

Составить точное представление о личности Петра II затруднительно, ибо неведомо, какие пороки или добродетели взяли бы верх, достигни он взрослого возраста, — деспотичность или добродетельность, милосердие или жестокость, праздность или трудолюбие, инертность или любознательность и тяга к знаниям. Напомним, что его дед, Петр Великий, в детстве вообще не получил никакого образования; его воспитателем была улица, однако став взрослым, он вошел в историю как крупнейший государственный деятель России и достиг благодаря тяге к знаниям громадных успехов в кораблестроении, артиллерийском деле, навигации, законотворчестве и др. Петр II предстает перед нами не зрелым человеком со своими независимыми убеждениями, но подростком, от которого бесполезно ожидать самостоятельных воззрений и тем более поступков, не навязанных извне. В соперничестве за влияние на царя победу одержали Долгорукие.

Три фактора оказывали решающее влияние на характер Петра II. Причем два из них действовали в диаметрально противоположных направлениях. Меншиков, сестра императора великая княжна Наталья Алексеевна, а отчасти и царица-бабка в той или иной степени пытались привить Петру свойства, соответствовавшие его сану: образованность, рассудительность, солидность в поведении, чувство долга перед подданными. Совсем в ином направлении действовали Долгорукие, которые заслуживают самого сурового осуждения за то, что прививали отроку не добродетели, а пороки.

Особое место в формировании личности императора занимает А. И. Остерман. С одной стороны, он пытался воспитать Петра, а с другой — способствовал становлению и развитию как раз тех свойств его характера, с которыми со временем ему же довелось безуспешно бороться.

Несомненно, именно Остерман составил указ, подписанный Петром II 6 сентября 1727 года, в котором объявлялось о намерении царя присутствовать на заседаниях Верховного тайного совета. В соответствии с ним надлежало считать действительными только те указы, которые были лично подписаны царем. Это заявление означало, что отрок освобождает себя от опеки Верховного тайного совета и тем самым становится полноправным, самодержавным императором. Эта акция явилась важной вехой в формировании характера Петра: она укрепила веру ребенка в свою вседозволенность, в свое право повелевать и требовать неукоснительного исполнения повелений всеми подданными.

Но не прошло и месяца, как объявленное обязательство подписывать указы наскучило Петру. 3 октября он отменил его: «Хотя велено исполнять указы, подписанные нашей рукою, теперь дозволяется выполнять подписанные тайным советником Василием Степановым».²¹

Джинна выпустили из бутылки. В сознании царя окончательно укрепилась мысль, что никто ему не смеет перечить, что его желания должны немедленно исполняться, что он вправе игнорировать советы старших.

В сложившейся ситуации попустительство Долгоруких, готовых не только удовлетворять страсть императора к охоте, но и разжигать ее, оказалось более привлекательным, чем скучное овладение знаниями.

---

²¹ ПСЗ. Т. VII. № 5150, 5173.

Слабые попытки вернуть царя к учебе не могли иметь успеха. Наставник не готов был ради этого рисковать собственной карьерой, а Петр, вкусив прелести самодержца, отвергал всякие поползновения на свои прерогативы.

Испытание властью способен выдержать далеко не всякий взрослый человек, а тем более подросток, чьи прихоти немедленно и с подобострастием исполнялись. А ведь в том возрасте, в котором находился Петр, такая вседозволенность неизбежно способствовала развитию дурных наклонностей: деспотизма, жестокости, эгоизма и т. д. Мысль о безграничной власти рано внедрилась в его сознание и, как и следовало ожидать, не пошла ему на пользу. Петр не знал и не мог знать, как распорядиться ею. Всевластие и вседозволенность реализовывались в капризах и прихотях, в нежелании прислушиваться к советам старших.

Было бы опрометчиво и легкомысленно высказывать категорические суждения о том, каким стал бы император, если бы он не скончался в 1730 году от случайной болезни. И все же скудные свидетельства современников склоняют к мысли о том, что Петр II готов был подражать не деду, а отцу, а отчасти и своей предшественнице на троне, супруге Петра Великого Екатерине Алексеевне, использовавшей трон лишь для удовлетворения личных удовольствий. Так, из нескольких высказываний Петра II следует, что он не любил Петербург, равно как не любил моря, и обещал «не гулять по морю так, без всякой цели, наподобие царя, его деда». Не беремся судить, отражают ли эти высказывания собственное мнение юного царя или внушены ему Долгорукими.

В июне 1727 года австрийский посол граф Рабутин с сожалением отмечал: «Иногда юный монарх намекает на то, что он властелин». Показателен эпизод, произошедший летом того же года, когда в Петербург прибыл фельдмаршал князь М. М. Голицын. Фельдмаршал пожелал побывать у государя, однако, как сообщает Лефорт, император, питавший неприязнь к Голицыну, дабы не встречаться с ним, удалился в сад и велел караульным никого туда не пускать. Голицын удалился ни с чем, а когда на следующий день он сел рядом с царем за обеденным столом, то Петр заявил, что присутствие старого фельдмаршала ему неприятно. В другой раз юный монарх проявил бестактность к своему наставнику. Во время бала Остерман сделал императору какое-то замечание, но тот отреагировал крайне грубо.

Почти сразу же после того, как Петр был провозглашен императором, он уже вполне сознавал, что является самым важным лицом в государстве. В донесении от 30 мая 1727 года Маньян отметил первый эпизод такого рода: во время похорон Екатерины Петр «припомнил, что герцог Голштинский занял место впереди него при церемонии погребения его предка (Петра I. — *Н. П.*). И этот молодой монарх пожелал по своем прибытии в церковь удалить великую княжну, сестру свою, из того ряда, в котором она находилась позади двух принцесс, и поставить рядом с собою». Тот же Маньян в июле 1727 года писал о «непреклонности, обнаруживаемой молодым монархом в проявлении своей воли»; эта непреклонность обещала в будущем породить в нем «сопротивление воле князя», то есть его тогдашнего опекуна Меншикова.²² Как уже знает читатель, эти опасения не были напрасными.

Прусский посол Мардефельд в июне 1727 года также доносил об опасениях Меншикова на этот счет. Светлейший жаловался на то, что монарх «не принимает никаких советов и действует по своей собственной воле и своего доверенного друга Долгорукого». В донесении от 12 июля 1727 года австрийский посол Рабутин писал: «Развлечения берут верх; часы учения не определены точно, время проходит без пользы, и государь все более и более привыкает к своенравию». В этот же день

---

²² Сб. РИО. Т. 75. С. 14, 46.

отправил донесение Мардефельд: «Между тем, монарх повелевает и делает, что хочет, всегда занятый беготнею, враг возражений, царь утомил свой двор».

Чем дальше, тем больше Петр проявлял самостоятельность. Похоже, не было дипломата в Петербурге и Москве, который бы не извещал об этом свой двор. Секретарь австрийского посольства Гогенгольц 1 апреля 1728 года доносил Карлу VI: «Прежде можно было противодействовать всему этому, теперь же нельзя и думать об этом, потому что государь знает свою неограниченную власть и не желает исправляться. Он действует исключительно по своему усмотрению, следуя лишь советам своих фаворитов». Это наблюдение подтвердил граф Вратислав, сменивший скончавшегося Рабутина: «Государь хорошо знает, что располагает полною властью и свободою, и не пропускает случая воспользоваться этим по своему усмотрению». Вратислав отметил в 1729 году еще две важные черты характера Петра II — умение скрывать свои мысли и притворяться: «Искусство притворяться составляет преобладающую черту характера императора. Его настоящих мыслей никто не знает». Близкие к этим черты натуры императора еще раньше, в 1728 году, отметил английский дипломат К. Рондо: «Крайнее непостоянство царя в своих симпатиях: сегодня хочет одного, завтра — совсем противоположного». В этом нет ничего удивительного. Скрытность отрока являлась ответной реакцией на давление извне, на различные, зачастую противоположные влияния, между которыми он вынужден был лавировать. С автором процитированного донесения можно поспорить лишь в том отношении, что частая смена настроения «крайне неудобна для министров, лишенных возможности держаться какой бы то ни было определенной системы». Смена настроений Петра если и вызывала неудобство для «министров», то не на государственном, а на бытовом уровне.

В донесениях иностранных дипломатов часто сообщается, что Петр «действует исключительно по своему усмотрению»; что он «делает, что хочет; что никто не смеет ни говорить ему ни о чем, ни советовать». Сфера интересов императора ограничивалась охотой и женщинами, и он оживлялся только тогда, когда заходила речь о породах собак, об охотничьих трофеях, о сноровке егерей или о любовных утехах. «Царь только и участвует в разговорах о собаках, лошадях, охоте; слушает всякий вздор, хочет жить в сельском уединении; о чем-нибудь другом и знать не хочет», — доносил Лефорт 14 ноября 1739 года.²³

Гадать о том, сумел бы Петр преодолеть эти страсти и стать добродетельным государем, бессмысленно, хотя некоторые признаки его исправления, правда слабые, все же имеются. Так, как мы помним, он велел раздать приближенным свою псарню — однако это не помешало ему по-прежнему убивать время на охоте. В последние недели жизни царь, по свидетельству Братислава, увлекся музыкой, стал прилежно упражняться на виолончели и после нескольких уроков мог исполнять два менуэта. Но и страсть к музыке, если бы она даже стала устойчивой, не дает оснований усмотреть в ней задатки государственного деятеля.

Какие-то акции государственного характера Петр II все же принимал. Но и их трудно занести ему в актив. Важнейшим следствием пребывания Петра II на престоле можно признать длительное пребывание двора в Москве. После коронации юный император не торопился возвращаться в Северную столицу. В связи с этим возникла опасность того, что Петербург лишится статуса столицы империи и придет в упадок. На перенесении столицы обратно в Москву настаивали вельможи, чьи имена были расположены в центре Европейской России. Они испытывали большие неудобства от того, что Петр Великий объявил Петербург столицей страны. В Москве были лучше климат, почва; новая же столица, как известно, была

---

²³ Сб. РИО. Т. 5. С. 316.

подвержена наводнениям.

Но сам Петр в этом вопросе отнюдь не руководствовался государственным интересом. Москва и окрестности привлекали его прежде всего обилием дичи всякого рода и возможностью удовлетворить свою страсть к охоте.

Еще об одном эпизоде, свидетельствующем хоть о каком-то интересе императора к государственным делам, упомянул Маньян. Правда, эпизод этот носит частный характер: летом 1729 года царь устроил смотр для двух гвардейских полков. Солдаты выполняли команды так дурно, что Петр, «разгневавшись, удалился внезапно, не ожидая конца смотра».

Сказанное выше позволяет сделать несколько выводов. Важнейший из них следующий. Петр II вкусил силу власти гораздо раньше, чем у него появилась возможность понять, как следует распоряжаться этой властью. В этом, как это ни покажется парадоксальным, виноват прежде всего Остерман. Это он внушил Петру мысль свалить Меншикова, то есть совершить акцию, равнозначную дворцовому перевороту. Падение же Меншикова означало, что не осталось ни одного человека, способного хоть как-то влиять на императора-отрока. Еще больше укрепила у отрока мысль о вседозволенности коронация. Правда, вседозволенность эта не успела реализоваться в акциях государственного значения и ограничивалась поступками, относящимися к бытовой сфере жизни двора.

Ну а в дальнейшем вина за то, что ублажались любые капризы отрока, в том числе не свойственные его юному возрасту, целиком и полностью лежит на сыне и отце Долгоруких. Впрочем, они, по большому счету, лишь продолжили то, что начал Меншиков. Его затея с помолвкой императора, которому не исполнилось и двенадцати лет, должна была превратить малолетнего главу государства в фактическую марионетку в его руках. У Меншикова это не получилось. Не получилось, как мы увидим, и у Долгоруких.